

БЫТОВАЯ ОРФОГРАФИЯ И ПУНКТУАЦИЯ КАК ПРИЗНАК ПРАВОПИСНОЙ СИТУАЦИИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ НАЧАЛА XXI ВЕКА

Н. В. Николенкова

Ключевые слова: русский письменный язык начала XXI века, орфографические и пунктуационные нормы.

Keywords: Russian written language of the beginning of the XXI century, spelling and punctuation norms.

DOI 10.14258/filichel(2022)2-03

Во время объявления результатов ЕГЭ в июне 2021 года в прессе появилась новость: юная фигуристка, сдав русский язык на 100 баллов, выложила эту информацию в социальную сеть, сопроводив комментарием: «Я даже не знаю как это комментировать. Стобальница получается»⁶. Конечно, реакцией на это стало обсуждение пользователями сети общей безграмотности молодежи и необходимости отменить «экзамену-угадайку» (многие по-прежнему уверены, что ЕГЭ — это тест, где ставят галочки). Были и те, кто, жалея девочку, писал «не постаралась, не проверила, волновалась». Для автора же статьи эта ситуация стала иллюстрацией для рассуждений о современной правописной ситуации и о содержании понятия «грамотный человек» сегодня.

Если совсем кратко и поверхностно обратиться к истории образования и грамотности в России в период XIX–XX веков, то можно нарисовать такую картину. В XIX — начале XX века четко разделялись грамотные носители языка (они умели и читать, и писать, знали правила правописания) и безграмотные, не обладающие данными навыками. При этом выделялась прослойка малограмотных людей, к примеру потребители лубочных текстов [Плетнева, 2013, с. 30–35], которые знали буквы и умели прочитать текст, при этом не требуя соблюдения в последнем всех правописных норм и правил. В процессе ликвидации безграмотности в Советской России и далее в СССР в первую очередь ставилась задача расширить прослойку малограмотных — обучить навыкам чтения текстов как можно большее число взрослых людей. Малограмотный человек, окончивший ликпункт, должен был знать буквы, минимальный объ-

⁶ [https://www.championat.com/figureskatin ...](https://www.championat.com/figureskatin...) =copypaste

ем правил, уметь читать ясный печатный и письменный текст и при необходимости написать собственный — сделать записи для обыденной жизни и для служебной необходимости.

Одновременно по отношению к детям в СССР была достаточно быстро поставлена амбициозная задача — перевести их всех в разряд грамотных, чему способствовала семилетка, восьмилетка и далее десятилетка обучения в школе. По мере роста таких грамотных людей (получивших знания о правилах правописания и сдавших экзамен по русскому языку) среди них стали выделяться еще и высокограмотные — люди, продолжающие и после окончания школы заниматься деятельностью, связанной с необходимостью читать и писать, и следующие при этом правилам орфографии и пунктуации. Официально грамотными считались все, кто закончил школу; уже послевоенное население СССР можно называть обществом грамотных людей. Но, конечно, с задачей сделать всех выпускников школ высокограмотными не смогло справиться и советское образование — среди выпускников были и отличники, и троечники, среди последних значительную часть составляли те, кто во взрослой жизни писал крайне редко и с ошибками (вспомните, как Леднев из «Большой перемены» разочаровал директора при попытке написать заявление). Однако человек, не связанный с интеллектуальной деятельностью, имел шанс проявить свою грамотность лишь в области официальных заявлений и писем или открыток родственникам и друзьям.

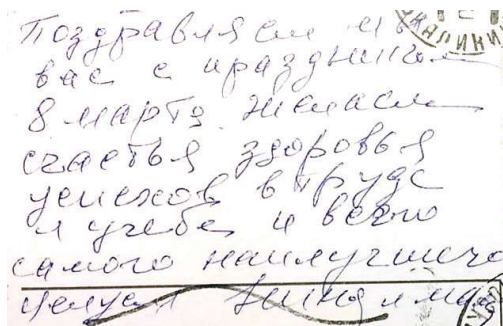
Насколько грамотными были эти письма? Давайте приведем примеры: *«Мама если будут принимать пошли мне мама чеснока или луку. ... Мама опиши жизнь у вас т. е. в Улан-Удэ... Мама как работаешь на старом месте истопщиком или на дрова тебя перевели.»*⁷. Это отрывки из письма Михаила Турошева — погибшего на фронте молодого солдата. Изучая его биографию, журналисты обнаружили, что он на «отлично» окончил школу, потом учился в ФЗУ. Восемнадцатилетним ушел на фронт. Публикуя письма, журналисты, конечно, расставили запятые, но в реальных письмах их нет. Таким образом, грамотный выпускник советской школы, отличник, вполне мог делать ошибки в частном письме.

Другой пример — текст из поздравительной открытки 1980-х годов: *«Кеше — сохранить то мастерство, которого достигли его руки, если конечно это не предел и он может его совершенствовать, хотя на наш*

⁷ <https://ulan.mk.ru/social/2021/05/09/soldat-turoshev-s-fronta-v-ulanude-mama-pobespochoysya-o-sebe-proday-tam-shmutki.html>. К счастью, публичного обсуждения ошибок в письмах молодых солдат — участников Великой Отечественной войны — нам пока встречать не приходилось.

взгляд это вершина»⁸. Как видим, и здесь нет соблюдения правил пунктуации, хотя очевидно, что среднее образование у автора есть.

Отсутствие знаков препинания наблюдаем и здесь (рис.).

Текст на открытке из семейного архива автора

Автор поздравления принадлежит к предвоенному поколению (1936 г. р.), имеет полное среднее образование, однако мы видим, что с выполнением простого правила пунктуации есть сложности. Отсутствие орфографических ошибок в таких открытках объясняется стандартностью содержания, ведь 4–5 раз в году массово рассылались одинаковые поздравления — пожелания счастья, здоровья, успехов, менялось лишь название праздника. Но такой не самый высокий уровень грамотности оставался в XX веке частным делом семьи и ближайшего окружения.

Если обратиться к более ранним периодам истории русского языка, то в первую очередь необходимо отметить невозможность соотнести понятие «грамотный» тогда и сегодня. Исторические словари фиксируют лексему «грамотный» со значением «образованный» [СлРЯ XI–XVII, 1977, с. 121], однако понятно, что это отнюдь не современное значение «пишущий в соответствии с правилами». Сами правила — орфографические каноны — появятся лишь в грамматических руководствах XV–XVI веков и потом в грамматиках церковнославянского языка конца XVI–XVII веков. До этого древнерусские писцы в отражении орфографических норм следуют образцам. Кроме того, для раннего периода древнерусской письменности используется понятие «бытовая орфография» — для характеристики орфографии частной переписки и некоторых других документов и надписей [Зализняк, 2004, с. 21]. Бытовая орфографическая система по целому ряду параметров противопоставлена стандартной — в том числе отражает особенности произношения, что делает такие тексты бесценным материалом для изучения истории русского языка.

⁸ <https://zen.yandex.ru/media/oskanov/pochital-otkrytki-iz-80h-glaza-na-mokrom-meste-kakie-byli-liudi-60a6c7f11b112a2f54d51d55>

Значение «знающий грамоту, наученный грамоте» фиксируется с XVIII в. [СЛРЯ XVIII], причем Словарь Академии Российской противопоставляет прилагательные «грамотный» (‘знающий грамотъ, ученый, просвѣщенный чтением’) и «безграмотный», то есть «неумѣющий, неучившийся читать и писать» [Словарь Академии Российской, 1789–1794, II, с. 318].

Прилагательное «малограмотный», по данным [НКРЯ], начинает употребляться лишь в начале XIX века⁹, одним из первых зафиксированных примеров будет: «Ныне умники пишут: в старину только говорили; опыты, наблюдения, достопамятные мысли в век малограмотный сообщались изустно» (Карамзин. История государства Российского, т. 5) [НКРЯ]. Значением, вероятно, следует считать «обладающий небольшим числом грамотных носителей». Значение «неумело, с трудом пишущий и читающий» появляется в 30-х годов XIX века, но особенно активно использование прилагательного с таким значением отмечено в конце XIX и в первой половине XX века¹⁰. Имеет «малограмотный» и словарную фиксацию: так, Д. Н. Ушаков определяет его в первом значении как «недостаточно грамотный, плохо пишущий и читающий; необразованный» [Ушаков].

Таким образом, необходимо говорить об эволюции понятия «грамотный» в истории русского языка: в период до появления грамматических руководств это «умеющий писать, знающий грамоту» — причем проявление этой грамотности возможно на разном уровне (от бытового письма до следования образцовым текстам). Постепенно под «грамотным» начинают понимать того, кто владеет орфографическими, а далее и пунктуационными нормами и отражает их в своих письменных сочинениях; возникает необходимость указания на «малограмотность» — для тех носителей языка, которые не владеют всей полнотой правописных норм. Постепенно, с середины XX века (при введении всеобщего среднего образования) под грамотным понимается человек, получивший

⁹ https://processing.ruscorpora.ru/search.xml?lang=ru&sort=i_grtagging&lex1=%D0%BC%D0%B0%D0%BB%D0%BE%D0%B3%D1%80%D0%B0%D0%BC%D0%BE%D1%82%D0%BD%D1%8B%D0%B9&g=i_doc&dpp=10&spp=50&text=lexgramm&kwsz=5&gramm1=A%2C%28nom%7Cgen%7Cdat%7Cacc%7Cins%7Cloc%29%2C%28sg%7Cpl%29%2C%28m%7Cf%7Cn%29&level1=0&p=29&mode=main&parent1=0&sr=1&spd=10&sem-mod1=sem&nodia=1&out=normal

¹⁰ https://processing.ruscorpora.ru/graphic.xml?spp=50&text=lexgramm&kwsz=5&level1=0&endyear=2019&sem-mod1=sem&spd=10&out=normal&smoothing=3&nodia=1&sort=i_grtagging&startyear=1800&gramm1=A%2C%28nom%7Cgen%7Cdat%7Cacc%7Cins%7Cloc%29%2C%28sg%7Cpl%29%2C%28m%7Cf%7Cn%29&graphic_from_result=1&lang=ru&lex1=малограмотный&g=i_doc&dpp=10&sr=1&p=29&mode=main&parent1=0

образование и владеющий знаниями правописных норм языка, а малограмотным воспринимается человек, не способный отразить полученные знания в своих письменных текстах. Одновременно, как нам кажется, растет необходимость в использовании лексемы «высокограмотный» — для характеристики тех носителей языка, кто стремится к регулярному использованию орфографических и пунктуационных (а также и иных норм) в собственных текстах¹¹. Однако прилагательное «высокограмотный» в толковые словари не попадает¹².

Современные толковые словари под одним значением прилагательного «грамотный» фиксируются сразу три варианта: 1) «умеющий читать и писать»; 2) «умеющий писать грамотно, без ошибок»; 3) «не содержащий грамматических и стилистических ошибок, соответствующий нормам литературного языка»¹³. Очевидно, что условно выделенный нами вариант значения (3) и соответствует сегодня понятию «высокограмотный». Такой носитель в любом письменном тексте стремится следовать известным ему правилам, при этом как представитель полнофункционального типа речевой культуры он понимает функционально-стилевую дифференциацию литературного языка и способен пользоваться тем или иным стилем [Сиротинина, 2005, с. 209], а также разными графико-орфографическими вариантами (скажем, использовать языковую игру на графическом уровне).

Начало XXI века привело к существенным изменениям: письменная форма языка, которая была еще 50 лет назад ограниченной для большинства носителей, стала основной. Распространение социальных сетей, блогов, мессенджеров и общения при помощи СМС делает обращение к письменной форме более частотным, чем за все предшествующие эпохи¹⁴. Определение «умения читать и писать» становится неактуальным — ведь даже не начинающие еще обучение правилам дошкольники

¹¹ Это связано и с общей культурой речи. Во многом наше представление о высокой степени грамотности коррелируется с введенным О. Б. Сиротининой определением носителя полнофункционального типа речевой культуры [Сиротинина, 2005].

¹² По данным ресурса <https://rus-academic-dict.slovaronline.com>.

¹³ <http://www.gramota.ru/slovari/dic/?lop=x&bts=x&ro=x&zar=x&ag=x&ab=x&sin=x&lv=x&az=x&pe=x&word=грамотный>; значения в словаре даны под одним номером, разделение наше (Н. Н.).

¹⁴ Хотя нельзя не сравнить ее с ситуацией Древнего Новгорода XI–XIV веков, когда выучивший буквы человек мог создавать письменные документы бытового, частного характера, не стремясь к выполнению норм текста стандартного регистра.

могут обладать таким уровнем грамотности¹⁵. По мере изучения предмета «Русский язык» в школе происходит коррекция тех естественных навыков письма, которыми многие дети уже овладели¹⁶. Постепенно условно выделенное нами значение (1) переходит в значение (2) — школьники начинают писать грамотно, без существенных ошибок. Однако используют это умение школьники в первую очередь (а иногда и только) на уроках русского языка; соблюдение полного набора правил в соцсетях ими, конечно, востребовано в меньшей степени.

Необходимо сегодня вспомнить о таком понятии средневековой письменности, как пирамида (или иерархия) текстов [Толстой, 1988, с. 69–70], когда характер оформления (в том числе орфографического) в ранние периоды развития языка был напрямую связан с жанром. Вершину пирамиды составляли произведения, опирающиеся на стандарты для письменного (церковнославянского) языка. По мере движения к низу пирамиды нормы перестают быть строгими, растет вариативность; самый низ пирамиды — бытовые тексты, в которых задача соблюдения норм не ставится. Для их авторов главная задача — обеспечить передачу информации адресату.

Очевидно, что сегодня мы возвращаемся в такую же ситуацию. Выстроена целая иерархия письменных текстов, в которой необходимо то или иное следование правописным нормам. Попробуем представить эту современную пирамиду хотя бы частично.

1. Вершиной пирамиды, безусловно, являются словари, грамматики, справочники и учебники русского языка. Необходимость выполнения в них всего объема орфографических и пунктуационных норм востребована обществом. При этом у носителей языка есть запрос на консервативную подачу в них и других норм русского языка (с этим связано возмущение, что филологи «меняют нормы» — фиксируют «кофе» не толь-

¹⁵ Надо отметить, что в определенной степени им становится доступно и понятие «орфографическая норма». Так, выучивший буквы дошкольник легко читает вывеску «АПТЕКА» и видит, как ему кажется, ошибку в вывеске «ОПТИКА». Приводя этот пример на лекциях по русскому языку и культуре речи у студентов разных специальностей, автор статьи много лет срывает аплодисменты — подавляющее большинство сидящих в аудитории вспоминают этот детский опыт.

¹⁶ Хочется сделать небольшое замечание методического характера. Сегодня в младшей школе распространена система, при которой орфография связана с фонетикой (критике этого подхода была когда-то посвящена статья [Николенкова]), этот фонетический метод обучения письму используется в большинстве пособий для начальной школы. Как нам кажется, необходимо работать над изменением этой методики. Фонетические написания (типа «йожык», которого любят приводит в пример мамы-блоггерки) дети могут использовать и до начала обучения в школе — и их сообщения понимают взрослые. Возникает вопрос, зачем необходимо отказывается от них и разучивать нормативный вариант «ежик».

ко в мужском, но и в среднем роде; есть негативная реакция на включение в словари русского языка новых заимствований — «*ресепшен, ретейл, профайлинг*» и т.д.).

2. Письменные задания по русскому языку. При их выполнении ставится задача получить как можно более высокий балл, сдающему необходимо знать весь объем правил, который проверяется на контрольной/ ОГЭ/ ЕГЭ.

3. Тексты научного содержания, энциклопедии (в том числе электронные), учебники по школьным дисциплинам. Любая орфографическая ошибка в них, особенно в учебниках, может стать материалом для обвинительного блога возмущенных родителей¹⁷. В этом случае у взрослых срабатывает еще и эффект графического узнавания слова [Голев, 1997, с. 134]. Пунктуационные ошибки реже бывают предметом обсуждения.

4. Художественная литература. В 1990-е годы многие частные издательства отказались от услуг редакторов и корректоров, но сегодня даже для литературы массовой (детективы и любовные романы) редакция необходима. Конечно, тщательное выполнение всех правописных норм в сочинениях Дарьи Донцовой или Александры Марининой не проверяется их читателями, но издательства заинтересованы в грамотной продукции, поэтому книги проходят корректорскую проверку (даже недавние решения кодификаторов отражены достаточно последовательно), но в пунктуации мы отмечаем ошибки в наиболее сложных случаях.

5. СМИ. На этом уровне происходит перераспределение отношения пишущего (и части читающих) к орфографическим и пунктуационным нормам. В отношении первых сохраняется требование к их строгому соблюдению (написание «гиена» вместо «геенна» вполне может сопровождаться гневными комментариями), но в отношении вторых носители языка менее строги и могут не замечать пропуски запятой после причастного оборота или между частями сложного предложения. Происходит расшатывание пунктуационных норм — и этому невольно помогают сами филологи, изучающие это как «новые тенденции» (к примеру, употребление тире вместо кавычек) в публицистике¹⁸.

6. Форумы, блоги. Здесь соблюдение элементарных орфографических и пунктуационных норм выступает в качестве одного из требований к авторам. Неграмотность участники сразу отмечают и критику-

¹⁷ Из сети (примеры, найденные родителями): «Прочитайте текст. Спешите», «серебрянный рожок» (литература, начальная школа); «я верю в благародность» (история, средняя школа); «все мы были в Зоо-парке» (окружающий мир).

¹⁸ Эти вопросы рассматриваются во многих статьях, останавливаться на этой проблеме в статье мы не будем.

ют, при этом основное внимание приковано, например, к употреблению «не» с глаголами, безударным гласным в корнях, путанице «ться/тся», отсутствию запятых перед придаточными или лишнему их употреблению между подлежащим и сказуемым. По комментариям можно с уверенностью определить, каково требование пишущих к минимальному уровню грамотности письменной речи. К более сложным случаям (к примеру, однородные придаточные или написание наречий) читатели обычно более благосклонны.

7. СМС-переписка и переписка в мессенджерах. Тут и адресант, и адресат начинают игнорировать правописные нормы. Задача — как когда-то у авторов берестяных грамот — донести информацию. Нарушаются не только пунктуационные нормы, но и орфографические, причем последние часто намеренно. В этом пласте текстов активизируется еще и возможность языковой игры, при этом иногда вывод об ошибке или намеренном искажении можно сделать только при близком знакомстве с автором. Особенно частотны случаи «фонетической» передачи языковой единицы (*ваще, щас, штоп* и подобное). Фактически эти тексты являются сегодня новыми «берестяными грамотами», а лингвистические признаки их вполне сопоставимы (например, синтаксическая структура). Е. И. Литневская рассматривает эти тексты (а также чаты) как письменную форму разговорной речи, отмечает приближение графической формы слов к звуковой [Литневская, 2011, с. 131].

Сегодняшнюю правописную ситуацию многие грамотные — в значении (2) — люди воспринимают как катастрофическую, виня в тотальной безграмотности условной молодежи (возраст варьируется) интернет и соцсети (то есть тексты низшего уровня условной пирамиды). Действительно, просматривая те же блоги в ЯндексДзен, можно убедиться в более высоком уровне грамотности людей старшего поколения. Авторы допускают ошибки — точно так же, как допускали их представители поколения 40–80-х годов. Но, как нам кажется, категория 35+ по-прежнему следует базовой модели XX века: в письменном тексте необходимо следовать нормам русского языка, необходимо выполнять орфографические и пунктуационные правила, пусть и на элементарном уровне.

Иное представление о письменном тексте вырабатывается у поколения начала XXI века. Система современного образования позволила вклиниться в пирамиду жанров письменным тестам, которые не требуют соблюдения правописных норм. Появились экзамены, при написании которых выполнение этих норм оказывается факультативным. К примеру, итоговое сочинение (допуск к ЕГЭ) имеет такой критерий: «Незачет» ставится при условии, если на 100 слов в среднем приходится

в сумме более пяти ошибок: грамматических, орфографических, пунктуационных¹⁹. Желательный объем этой работы — 350 слов. Таким образом, сделавший 17 ошибок выпускник вполне проходит по этому критерию²⁰. Не снижают оценку за неграмотность и в ЕГЭ по другим предметам школьной программы²¹.

Получается, что новая образовательная система показывает, что грамотность и следование нормам орфографии и пунктуации нужны только в одном случае — если вы пишете экзамен по русскому языку. Можно сформулировать и иначе: если за нее (грамотность) ставится какой-то балл. Все остальные создаваемые письменные тексты подчинены любым другим задачам, кроме следования правописным нормам. Целью школьников (а сегодня и студентов) оказывается лишь содержание и «проявление индивидуальности». И в этом отношении создаваемый письменный текст для них не отличим от записи в соцсети.

Результатом становится стремительное распространение «бытовой орфографии» и пунктуации на все больший круг текстов. Вот примеры из эссе на свободную тему, созданных старшеклассниками, проходящими отбор в престижный московский лицей: *и тагдалие, из-за дня вдень, рыба клювала на нажыфку, не спро ста, имоцыи, иммедж, лижбы...* И дело не в безграмотности — те же школьники абсолютно правильно вставляют буквы и расставляют знаки препинания в традиционных заданиях по русскому языку. Для них письменное эссе — не повод следовать нормам, они делают упор на содержании. Примеры из работ по дисциплине «Русский язык и культура речи» первокурсников одного из гуманитарных факультетов МГУ с высоким проходным баллом (подавляющее большинство сдало ЕГЭ на 86+): *фармерование, палит-техналогии, лидеры Фракцыи, свое нравность...*²² Абсолютно та же «бытовая систе-

¹⁹ <https://ctege.info/itogovoe-sochinenie-2020/kriterii-itogovogo-sochineniya-2019-202.html>

²⁰ Автор давно оценивает многие задания на ОГЭ/ЕГЭ через сопоставление с русскими сказками. Так вот, в сказке «Колобок» 436 слов. Можно сделать 23 ошибки.

²¹ В традиционной системе экзамены были устными или имели устную и письменную части. Отвечая на билет по физике или химии, выпускник/поступающий должен был все же формулировать свои мысли так, чтобы их понял преподаватель. Да, за орфографические ошибки в решении задачи отметку не снижали никогда, но письменное сочинение — в том числе на «свободную» тему — предполагало обязательную оценку по русскому языку. Сегодня даже на ЕГЭ по литературе это перестало быть обязательным требованием. Многие поступающие на филологический факультет абитуриенты искренне удивляются, когда узнают, что в сочинении — экзамен по литературе — им снижена оценка из-за ошибок.

²² Примеры собраны автором, преподающим дисциплину «Русский язык и культура речи» на разных факультетах МГУ имени М. В. Ломоносова.

ма» распространяется в блогах и СМИ: «А. Попова оказалась не удел»; «Меньше колорий, больше воды» и т. д.

Для исторической грамматики русского языка ошибки подобного рода дают возможность реконструировать личность пишущего. Приведенные нами ошибки также позволяют сделать лингвистические наблюдения и определить некоторые признаки «бытовой» правописной системы начала XXI века. Во-первых, снижение начитанности приводит к невозможности для многих воспроизвести графический облик слов — кроме тех, которые регулярно встречаются в учебниках по русскому языку (в традиционных заданиях на вставку пропущенных букв). Во-вторых, у многих «звучание» слова (или комбинации слов) не соотносится с их структурой (иногда не понимается смысл слова/выражения), что несет за собой их произвольное графическое оформление; в результате в «бытовой орфографии» начала XXI века происходит резкое увеличение числа фонетических написаний. Низшие уровни пирамиды жанров вполне допускают варианты «*щас/з, што, ваще*»²³, поэтому пишущие некритически переносят их в тексты других уровней (можно реконструировать примерно такой процесс: я слышал слово/выражение, не очень точно понимаю его значение, поэтому пишу так, как произношу²⁴).

К правилам, разрушающимся в «бытовой орфографии» на наших глазах, можно отнести следующие: 1) путаница «с/з» в приставках; некоторые орфографисты воспринимают это как «динамическое явление», тенденцию к «фонологическому написанию приставок на –з» [Григорьева, 2019, с. 112–113], нами же это воспринимается как безразличие к правилу; 2) слитное или раздельное написание наречий и служебных слов: «*на обум*» и «*по настоящему*», «*помоему*» и «*сызнанки*», регулярно слитное «*тоже*» и более частотное вне связи со значением «*не даром*»²⁵; 3) отказ от знака «дефис» («*бело сине красный*», «*из синя черный*») или, на-

²³ Подобные примеры частотны в современной художественной литературе, а некоторые написания зафиксированы в орфографических словарях, например «*тыща, тыщ*» в РОС (<http://www.gramota.ru/slovari/dic/?lop=x&bts=x&ro=x&zar=x&ag=x&ab=x&sin=x&lv=x&az=x&pe=x&word=тыща>). Тенденцию фиксировать разговорные и просторечные написания в словарях автор статьи считает вредной и опасной, особенно в свете разбираемой проблемы.

²⁴ Это серьезная причина для категорического отказа от фонетического метода обучения письму в младшей школе.

²⁵ В этом случае вина почти полностью лежит на авторах ЕГЭ. По правилам заполнения бланков, ответ пишется без пробелов, к примеру так: впоследствииитакже (<https://4ege.ru/russkiy/59243-zadanie-14-ege-po-russkomu-yazyku.html>). Как вообще можно было допустить неграмотную запись в ответах по русскому языку? Ведь «втечение» оказывается на экзамене написано таким же образом!

оборот, тенденция к избыточному употреблению («*лишь-бы*», «*что-бы*», «*пусть-бы*»).

Пунктуационные нормы разрушаются в бытовой правописной системе еще стремительнее. Достаточно сравнить переписку в мессенджерах взрослых и молодежи: если человек 35+ строит полные фразы, расставляет в соответствии со своими умениями знаки препинания, то более молодое поколение уже давно переписывается «столбиками» из фрагментов фраз, не имеющих синтаксического оформления в виде предложения. Вот типичный пример (из переписки автора с дочерью): «*бепантеном помажь/ он на полке/ где йод/ или роликом/ я его на столе оставила/ и не расчесывай/ через полчаса легче будет*». Там, где мы бы готовы написать одно сложное предложение («*надо намазать мазью, которая на полке с йодом, или роликом, который у меня на столе лежит, и не расчесывать*»), девушка 22 лет создает 7 отдельных сообщений, не нуждаясь в пунктуационном оформлении каждой части. При конструировании сложного предложения (в силу необходимости использовать подобное в эссе или реферате) пропускаются не только знаки конца предложения/ оборота, но и вообще знаки препинания (или расставляются произвольно: «*Для меня, важным событием, было то что я выиграл конкурс...*»²⁶).

Повторю сказанное выше: те же самые школьники, что создают «и тагдалие», вполне могут выполнить типичное задание по русскому языку на отличный результат. Точно таким же разовым проявлением грамотности для большого количества людей разного возраста становится участие в акции «Тотальный диктант», получение «пятерки» — повод погордиться собой, выложить результат в соцсеть, убедиться, что не забыл школьную программу, но отнюдь не повод все создаваемые тексты писать без ошибок. Было бы интересно найти и проанализировать записи «отличников» тотального диктанта в соцсетях — интересная тема для дипломной работы.

Фактически сегодня надо говорить о том, что складывается новое значение у слова «грамотный» — это «*умеющий/способный написать текст, следуя правилам русской орфографии и пунктуации*». Такое умение у одних людей появляется всегда (они же носители полнофункционального и неполнофункционального типов речевой культуры [Сиротина, 2005]), у других — по мере надобности. Но ситуация, когда определенный уровень правописной грамотности нужен, будет встречаться все реже — ведь фигуристка, с которой мы начали размышления, уже

²⁶ Из эссе старшеклассника.

получила свои 100 баллов, а необходимость их подтвердить возникнет у нее нескоро.

Размышляя над вопросами кодификации орфографических норм, А.Д. Шмелев предпочитает опираться не на «грамотных», а на «образованных» людей: «при кодификации норм нельзя опираться исключительно на узус, даже на узус образованных носителей языка» [Шмелев, 2021, с. 7]. Вспоминается диалог Паратова и Карандышева, когда последний не желает учиться у бурлаков русскому языку, ибо относит себя к числу «образованных» людей. Как соотносятся понятия «грамотный» и «образованный»? Если сегодня выпускник школы и студент вуза фактически имеет право в своих текстах, не связанных с русским языком, проявить «образованность» как знание предмета, но не проявлять «грамотность»?

Мы должны прийти к пониманию, что оказалась в новой лингвистической реальности. Пласт текстов, ориентированных на бытовую правописную модель, будет лишь расширяться. Некоторые правила, как нам кажется, могут уйти на периферию правописной системы. К примеру, А.Д. Шмелев отмечает, что даже в НКРЯ можно найти «огромное множество примеров» с ошибочным с точки зрения норм и правил написанием (к примеру, со смешением *не* и *ни*) [Шмелев, 2021, с. 9]. Бытовая орфографическая система устраняет различие частиц, ибо понимание текста от этого не ухудшается. Часто пишущие не выполняют правила слитного/раздельного написания, особенно там, где правило предполагает разницу смысла. К примеру, «*не достает*» и «*недостаёт*», «*в глубь*» и «*вглубь*» и т.д. С их точки зрения (и студенты формулируют данную мысль), на понимание смысла текста графико-орфографическое оформление данных слов и сочетаний не влияет.

Пунктуационные нормы, уже сегодня ставшие необязательными, мы называли выше: это запятая между частями сложного предложения перед «и», закрывающая оборот или придаточное предложение запятая — последнее абсолютно игнорируется, если далее необходимо поставить знак «тире».

Остановить эту тенденцию можно лишь вернув — в школьную систему в первую очередь — обязательное требование выполнения правописных норм в любом письменном тексте. Могут и должны влиять на изменение ситуации и лингвисты: изучая описанные нами явления как ошибочные, а не как «новые тенденции» (как это происходит при описании функции знаков «тире» и «двоеточия»).

А еще филолог должен представить себе того человека, для кого он создает правила. В настоящее время грамотный выпускник школы ори-

ентируется на школьные учебники с определенной (в том числе и методической) традицией изложения правил правописания. И создаваемые сегодня новые своды правил [Шмелев, 2021] должны поддерживать полученные знания, не ломая, а дополняя их. Тогда правила будут востребованы людьми, желающими сохранять высокий уровень правописной грамотности. В ином случае потребителем нового свода станет лишь «образованный» (в понимании Карандышева) сноб. А бытовая орфография и пунктуация станет в узусе новой нормой, еще больше оттолкнув носителей языка от профессиональных филологов.

Библиографический список

Голев Н. Д. Антиномии русской орфографии. URL: <http://lingvo.asu.ru/golev/articles/v55.html>.

Григорьева Т. М. Невоплощенные замыслы реформы русской орфографии (фонетический аспект) // #ТОТСБОРНИК: Сборник научных трудов по материалам Тотального диктанта. М., 2019.

Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. М., 2004.

Литневская Е. И. Письменные формы разговорной речи (к постановке проблемы). М., 2011.

Николенкова Н. В. Об учебнике по русскому языку для 2 класса В. В. Репкина, Т. В. Некрасовой, Е. В. Восторговой. URL: <https://www.portal-slovo.ru/philology/37445.php>.

НКРЯ. Национальный корпус русского языка. URL: <http://ruscorpora.ru/new/index.html>.

Плетнева А. А. Лубочная библия: язык и текст. М., 2013.

Сиротинина О. Б. Стилистика в свете типов речевой культуры // Stylistyka-XIV, 2005.

Словарь Академии Российской. Ч. II. СПб., 1789–1794.

Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 4 (Г — Д). М., 1977.

Словарь XVIII века. URL: <http://feb-web.ru/feb/sl18/>.

Толстой Н. И. История и структура славянских литературных языков. М., 1988.

Ушаков Д. Н. Толковый словарь русского языка: в 4 т. URL: <https://ushakovdictionary.ru/>.

Шмелев А. Д. Проспект «Свода правил русской орфографии» в свете принципа интегральности // Слова, конструкции и тексты в истории русской письменности. М., 2021.

References

Golev N. D. *Antinomii russkoy orfografii*. [Antinomies of Russian spelling]. URL: <http://lingvo.asu.ru/golev/articles/v55.html>.

Grigor'eva T. M. *Nevoploshchennye zamysly reformy russkoy orfografii (foneticheskiy aspekt)*. [Unrealized plans for the reform of Russian spelling (phonetic aspect)]. In: #TOTSBORNIK: *Sbornik nauchnykh trudov po materialam Total'nogo diktanta*. [Collection of scientific papers based on the materials of the Total Dictation]. Moscow, 2019.

Litnevskaya E. I. *Pis'mennye formy razgovornoy rechi (k postanovke problemy)*. [Written forms of colloquial speech (to the problem statement)]. Moscow, 2011.

Nikolenkova N. V. *O uchebnike po russkomu yazyku dlya 2 klassa V. V. Repkina, T. V. Nekrasovoy, E. V. Vostorgovoy*. [About the Russian language textbook for grade 2 by V. V. Repkin, T. V. Nekrasova, E. V. Vostorgova]. URL: <https://www.portal-slovo.ru/philology/37445.php>.

NKRYA *Natsional'nyy korpus russkogo yazyka*. [National Corps of the Russian Language]. URL: <http://ruscorpora.ru/new/index.html>.

Pletneva A. A. *Lubochnaya bibliya: yazyk i tekst*. [Popular Bible: language and text]. Moscow, 2013.

Sirotnina O. B. *Stilistika v svete tipov rechevoy kul'tury*. [Stylistics in the light of the types of speech culture]. In: *Stylistyka — XIV*, 2005.

Slovar' Akademii Rossiyskoy. [Dictionary of the Russian Academy]. St. Petersburg, 1789–1794.

Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv. Vyp. 4 (G–D) [Dictionary of the Russian language XI–XVII centuries. Issue 4]. Moscow, 1977.

Slovar' XVIII veka [Dictionary of the XVIII century]. URL: <http://feb-web.ru/feb/sl18/>.

Shmelev A. D. *Prospekt "Svoda pravil russkoy orfografii" v svete printsipa integral'nosti*. [Prospectus "The Code of Russian Spelling Rules" in the light of the principle of intrality]. In: *Slova, konstruktсии i teksty v istorii russkoy pis'mennosti*. [Words, constructions and texts in the history of Russian writing]. Moscow, 2021.

Tolstoy N. I. *Istoriya i struktura slavyanskikh literaturnykh yazykov*. [History and structure of Slavic literary languages]. Moscow, 1988.

Ushakov D. N. *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka*. [Explanatory dictionary of the Russian language]. URL: <https://ushakovdictionary.ru/>.

Zaliznyak A. A. *Drevnenovgorodskiy dialect*. [Old Novgorod dialect]. Moscow, 2004.